

Зайченко Н. Ф.,

Национальная академия изобразительного искусства и архитектуры, г. Киев

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ИСТОЧНИК И СРЕДСТВО ПОЗНАНИЯ ИНОКУЛЬТУРНОГО БЫТИЯ

В статье рассматривается корпус культурномаркированных единиц, составляющих часть фоновых знаний носителей русского языка и представленных в произведении японского автора; анализируются особенности их функционирования в дискурсе персонажей; выявляются факторы, влияющие на адекватность восприятия коммуникантами культурнозначимой информации.

Ключевые слова: художественный текст, дискурс, культурномаркированные единицы, фоновые знания.

У статті розглядається корпус культурномаркованих одиниць, які становлять частину фонових знань носіїв російської мови, які представлені у творі японського автора; аналізуються особливості їх функціонування в дискурсі персонажів; виявляються фактори, що впливають на адекватність сприйняття комунікантами культурно значущої інформації.

Ключові слова: художній текст, дискурс, культурномарковані одиниці, фонові знання.

The article deals with a complex of culturally marked units constituting a part of background knowledge of native Russian speakers and represented in works of the Japanese author; it analyzes peculiarities of their functioning in the discourse of characters; it reveals factors having influence on the perception adequacy of the culturally important information by communicants.

Key words: literary text, discourse, culturally marked units, background knowledge.

Художественная литература в качестве вторичного средства познания действительности является вербализованным хранителем и транслятором культуры как “четвертой формы бытия” наряду с известной бытийной триадой “природа – общество – человек” [8, с. 18].

Объектом нашего внимания является переводной художественный текст [2], примечательной особенностью которого, выделяющей его из ряда подобных, является отражение в нем двух “психологически далеких” культур – японской и русской, причем последняя представлена японскому читателю в значительно большем объеме.

Предметом исследования выступают культурномаркированные единицы русского языка, использующиеся в дискурсе персонажей – представителей различных этнокультур.

Цели и основные задачи работы заключаются в том, чтобы а) выявить и систематизировать корпус русских единиц с национально-культурным компонентом семантики в словесной ткани художественного произведения; б) определить способы, приемы и формы введения этих единиц в речевые контексты персонажей; в) выявить факторы, влияющие на полноту восприятия культуроведческой информации коммуникантами. В таком аспекте, насколько нам известно, переводной художественный текст не был объектом внимания лингвистов, что и определяет актуальность нашей работы.

Основная часть. Предваряя анализ фактического материала, следует уточнить отдельные понятия, в трактовке которых наблюдаются более или менее существенные разночтения и которые требуют терминологической определенности в рамках нашей публикации. Речь идет, в частности, о понятиях, активно использующихся в когнитологии и лингвокультурологии: “культурный фонд”, “фоновые знания носителей языка” [6; 8]. На наш взгляд, за этими и другими аналогичными понятиями стоит как “совокупность тех базовых единиц, которые являются компонентами данной национальной культуры”, так и элементы других культур, которые присутствуют в коллективном сознании носителей конкретной этнолингвокультуры [8, с. 11-12].

Разумеется, названные выше экспоненты материальной и духовной культуры в качестве вербальных единиц представляют лишь часть “культурного фонда”, в нашей статье наряду с ними используются термины “культурномаркированные единицы” и “единицы с национально-культурным компонентом семантики” в терминологической традиции, идущей от Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова [1]. В определенном смысле они принадлежат системе языка, комплексному тезаурусу его носителей, включенность же их в индивидуальный тезаурус языковой личности переводит рассмотрение таких единиц в область фоновых знаний, структурно разнородных, имеющих вербальное и невербальное выражение.

В данной статье мы ограничимся рассмотрением единиц, составляющих лишь часть фоновых знаний, а именно – единиц с национально-культурным компонентом семантики – лингвореалий, фразеологических единиц, пословиц, поговорок, а также прецедентных текстов. Оперируя понятиями “прецедентность”, “прецедентные тексты” (ПТ), мы связываем их, с одной стороны, с фоновыми знаниями носителей языка, а с другой – с понятием интертекстуальности в общепринятой его интерпретации и соотносим с системой речи, дискурса. Обладая культурной маркированностью, ПТ, во-первых, онтологически и этимологически разнородны (подробно эти вопросы рассматриваются при анализе фактического материала), во-вторых, могут быть представлены и как актуальное художественное наследие, что, безусловно, влияет на степень их представленности в личном тезаурусе коммуникантов, и, в-третьих, актуализируясь в речи в разных формах – цитаций, реминисценций, аллюзий, они либо демонстрируют эрудицию говорящего, либо (чаще) стимулируют приращение смысла, создание нового образного смысла [4; 5; 7].

Общее количество единиц с культурным компонентом семантики, рассматриваемых в работе, составляет около двухсот. Они извлечены в результате сплошной выборки текста объемом 376 страниц, при этом анали-

зу подвергалась как внешняя (диалогическая, полилогическая) речь четырех российских и одного японского персонажа, общающегося с ними по-русски, так и внутренняя речь (аутодиалог). Достаточно свободное и креативное во многих случаях использование русских культурномаркированных единиц главным персонажем Такуя Минамото объясняется его профессиональной деятельностью (он майор русского отдела Полицейского управления Хоккайдо, изучавший русский язык в Токио), а также его тесным общением с преподавателем одного из московских вузов Ганиным, обучающим русскому языку слушателей Полицейской академии Саппоро и параллельно с этим обогащающим фоновые знания своего японского друга.

В результате анализа выделены следующие группы единиц с национально-культурным компонентом семантики.

1. Лингвореалии – слова и словосочетания, называющие культурнозначимые реалии материальной и духовной культуры, связанные с различными периодами жизни российского общества вплоть до его новейшей истории (мы считаем более корректным использование термина “лингвореалия” вместо “безэквивалентная лексика”, сужающего круг подобных единиц сопоставлением с одним из языков): *пирожки, черные хлеба, багровые свеклы; замшелый дьяк, русский интеллигент, перестройка, беспредельщики, братки, лагерные ежики; Москва, Сахалин, ФСБ, Лубянка, Исаакиевский собор, Шереметьево-2* и др.

2. Фразеологические единицы: *сыграть в ящик; копыта откинуть; под одну гребенку; занять круговую оборону; кто ни попадя; с боку припекой; брать быка за рога* и др.

3. Пословицы и поговорки: *за двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь; делу время; лезть в чужой монастырь со своим уставом* и др.

4. Прецедентные имена: *Ленин, Сталин, Горбачев, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Достоевский, Чехов, Лев Толстой, Блок*.

5. Прецедентные тесты, восходящие к литературным произведениям, лозунгам, клятвам, культовым кинофильмам и популярным песням советского периода и под.: *Все мы вышли из “Шинели” Гоголя; Бульженик – орудие пролетариата, увидеть небо в алмазах; от каждого по потребностям...; нас утро встречает прохладой; броня крепка и танки наши быстры; кончен бал, погасли свечи; мочить в сортире; на горшке сидит король; век воли не видать* и мн. др.

Определенная часть культурномаркированных единиц – ФЕ, пословиц и поговорок в речевых контекстах персонажей используется в их узуальной форме и значении, однако большая часть подверглась в тексте произведения разнообразным трансформациям, что является одной из характерных примет постмодернистского дискурса вообще. Среди наиболее частотных модификаций отметим такие:

1. Эллипсис с индивидуально-авторским завершением пословиц и поговорок: *Как у семи нянек, дитя все равно в глаз получает; Делу – время, а его у нас и без ваших лингвистических отступлений маловато*.

2. Контаминация: *Я не люблю тянуть резину там, где следует ковать железо; от каждого по потребностям, от себя дулю с маком и маслом; поезд ушел, звезда закатилась; – Наверняка, там уже яблоку (тому самому, которое, по юннатским наблюдениям Ганина, падает недалеко от яблони и почему-то, как он утверждает, всегда маслом вниз)*.

3. Разнообразные структурно-семантические и семантические преобразование ФЕ, в том числе: а) субституция – подстановка вместо одного из ключевых компонентов ситуативного синонима или же замена всех компонентов: *на вкус и цвет аналогов нет; и мы не берестой склеены; ни к деревне, ни к мегаполису*; б) включением уточняющего компонента в состав узуальной единицы: *кончай мне свою корейскую лапшу вешать; ...или это для отвода наших узких японских глаз было сделано*; в) совмещением прямого и переносного значений ФЕ: *... вот оно тебе в прямом смысле боком и вышло* (о разошедшемся у Ганина шве после операции аппендицита).

Актуализация культурно-энциклопедических и фоновых знаний, заключенных в прецедентных текстах, в авторском (оригинальном) тексте осуществляется различными путями, о чем свидетельствует и русский текст перевода: а) непосредственное введение в дискурс прецедентных имен, называющих реальных исторических личностей, писателей, поэтов, а также аллюзивных имен (*Маресьев, Дерсу Узала*); б) дословная цитация без указания на источник: *с кувшином охтинка спешит*; в) указание на анонимное авторство: *как сказал бы классический русский поэт; как верно заметил другой классический русский поэт*; г) реминисценции: *овес нынче дорог, не то что ячмень с просом; не простые, а золотые* (о патронах); *пламенным глаголом жечь*.

Адресованность оригинального текста японскому читателю, не владеющему необходимым для адекватной интерпретации ПТ фоновым багажом, обуславливает более или менее пространные комментарии главного персонажа в связях с их употреблением, что проиллюстрирует следующий фрагмент текста, где взаимодействуют несколько ПТ: *Телефонная прослушка зловредными “тараканчиками” (жучками – Н.З.) как проводной, так и беспроводной связи – секрет Полишинеля, или, как шутит ... Ганин, “секрет полы шинели”, добавляя при этом, что у этой шинели в свое время имелся вполне конкретный хозяин – великий малороссийский литератор Николай Гоголь, но Ганин, а заодно и миллионы его соотечественников однажды взяли и вышли из-под полы этой самой шинели. После этого Ганин обычно напевает нечто сакраментально-дезертирское, что-то вроде “Бери шинель, пошли домой ...”*

Анализ текста перевода свидетельствует также о том, что объем социокультурных, этнокультурных и языковых фоновых знаний персонажей повести является различным. И это касается не только носителей японской культуры, владеющих в различной степени русским языком (Минамото и его подопечные), или не владеющих им (начальник Минамото), но и российских персонажей, что обуславливает степень адекватности общения между ними. Примечательно, однако, что полнота понимания нередко вызывается не уровнем формального владения языком, а объемом фоновых знаний, в том числе представляющих собой культурные

концепты или мегаконцепты, такие, как Пушкин, претерпевающие различные трансформации в дискурсе персонажей. “Динамический потенциал концептов состоит в том, что они открыты для постоянно возможных преобразований и изменений. Концепт приводит в смысловое движение “пучок” представлений, понятий, ассоциаций, переживаний, сопровождающих слово” [3, с. 356]. Достаточно убедительно этот тезис иллюстрирует диалог между Минамото и его шефом – полковником Нияси по поводу официального разрешения подключить к операции Веру Завадскую: – *Ее что, уже проверили? – спросил я. – Когда Москва с Токио по телефону договаривается, – продолжал Нисю, – никаких проверок не требуется. – Не проверяй, но доверяй, – усмехнулся я. – В случае чего, кто отвечать будет? – Ты. – Честно ответил полковник. – Пушкина наши с тобой русские убили давно* (С. 241).

В сюжетной линии повести русское культурное пространство не представлено каким-то монолитом: некоторые из персонажей, причисляемых к нему автором, являются также носителями определенной субкультуры, что, конечно же, сказывается на степени их включенности в “общий” фонд фоновых знаний. В качестве примера приведем два речевых контекста:

1. Диалог между Минамото и сахалинским корейцем – киллером Паком, носителем криминальной субкультуры, которого он допрашивает: – *Если бы, Шура, не твое увлечение мафией, мы бы эти “все дела” на раз бы не вскрыли! – так это ты догадался – разочарованно протянул он. – Ну я же, Сашенька, все-таки хозяин принимающей тебя пока еще страны, – не без гордости заметил я, – а заодно и царь горы, и властелин былого и дум. – Чего? Образовательный уровень Пака явно не дотягивал даже до среднего* (С. 313).

2. Два следующих речевых контекста не менее убедительно демонстрируют наличие культурологических лакун у Веры Завадской, майора ФСБ (в полилоге речь идет о разгадке пароля для вскрытия файлов в компьютере Пака): – *И что нам делать? – задал я самый глупый вопрос из тех, что можно было бы задать в сложившейся ситуации. – Думать, – резонно заметил Ганин. – Идеи есть? – Год рождения Пака не подойдет? – Предложила Вера. – Он что до одиннадцатого века у вас родился? – хмыкнул Ганин. – Вечный жид? – Да нет, – серьезно ответила она, – еврейской крови в нем, насколько я знаю, нет* (С. 284); – *Что это за “восемь – девять – три”? Что они значат? – Потом скажу. Не до этого сейчас! Давай, Ганин, открывай верхний! – Чего там? – Спешка, Такуя, нужна только при расстройстве желудка! – осадил меня дерзкий сэнсэй. – Тоже мне “тройка – пятерка – туз”! Герман недоделанный! Карточник хренов! – Да открывайте вы файлы, Ганин! Про карты потом будете шутки шутить! – поддержала меня Вера* (С. 282).

Если непонимание в приведенных выше контекстах обуславливается проблемами общекультурологического, общеобразовательного плана, то подобные “сбои” в межкультурной коммуникации с участием Минамото связаны с различной степенью овладения им различными стилями и стилистическими регистрами русской речи. Его, в частности, ставит в тупик терминологическое выражение “страдать метеоризмом”, а также профессиональная речь представителей русских силовых структур: “*фигуристы, они же водолазы*” (покойники, тела и жертвы произвола бандитов’), *коньки отбрасывать*” и др.

К слову сказать, в тексте анализируемого произведения в изобилии представлены различные пласты профессиональной и жаргонной лексики, используемой российскими и японскими персонажами. В какой мере можно говорить о культурной маркированности подобных единиц – вопрос дискуссионный и, разумеется, требует специального рассмотрения.

Подводя итог изложенному выше, сделаем некоторые предварительные выводы.

1. В анализируемом тексте достаточно полно представлен корпус русских культурномаркированных единиц как с точки зрения их объема и структуры, так и представленности в фоновом багаже носителей языка, в различной степени владеющих русским культурным кодом. В этом плане переводной художественный текст можно рассматривать как одно из средств познания инокультурного бытия.

2. Креативное использование русских единиц с национально-культурным компонентом семантики, включая и прецедентные тексты, в дискурсе носителя японской лингвокультуры свидетельствует не только о высоком уровне овладения им культурологической составляющей изучаемого им языка, но также в определенной мере позволяет судить об источниках, формирующих т.н. “взвешенные” фоновые знания, необходимые для межкультурного взаимодействия.

3. Степень адекватности реагирования коммуникантов, представляющих различные лингвокультуры и общающихся на одном из этноязыков, на культурнозначимые слова-стимулы не зависит от принадлежности к той или иной национальной культуре, а обуславливается, по преимуществу, уровнем общей образованности, культурной грамотности.

Исследуя заявленную проблему, мы, безусловно, затронули далеко не все аспекты, касающиеся художественного текста как источника и средства познания инокультурного бытия. Мы рассмотрели лишь один из важных компонентов культурологической составляющей языка. Отдельного рассмотрения требуют, в частности, и другие не менее важные компоненты фоновых знаний – обычаи, нравы, социальные условности, общебытовые и пр. традиции, взаимодействие дискурсов носителей разных культур, формирующих в более общем плане культурологическую оппозицию *свой : чужой*. Текст проанализированной нами повести содержит немало интересного материала и в этом аспекте, что послужит предметом нашего дальнейшего исследования.

Література:

1. Верещагин Е. М. Язык и культура : Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – 3-е изд., перераб. и доп. / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Русский язык, 1983. – 269 с.
2. Каминаси К. Деньги на ветер / Кунио Каминаси. – М. : Олимп : Астрель : АСТ, 2005. – 376 с.

3. Каніболоцька О. А. Особливості сприйняття прецедентних художніх творів зарубіжної літератури як засіб пізнання культурно-історичної інформаційної бази / О. А. Каніболоцька // Культура народів Причорномор'я : Науч. журнал. – № 168. – Т. 1. – Симферополь, 2009. – С. 336-338.
4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Издательство ЛКИ. – 2010. – 264 с.
5. Красных В. В. Этнопсихолінгвістика и лингвокультуроология / В. В. Красных. – М. : ИТДГК “Гнозис”, 2002. – 283 с.
6. Левченко О. Лінгвокультуроология та її термінна система / О. Левченко // Вісник нац. Ун-ту “Львівська політехніка”. – № 490. – 2003. – С. 105-113.
7. Лещак С. Статус прецедентного текста в функционально-прагматической перспективе / С. Лещак // Функциональная лингвистика : сб. науч. работ; науч. ред. А. Н. Рудяков. – Т. 2. – Симферополь, 2010. – С. 31-33.
8. Маслова В. А. Лингвокультуроология : учеб. пособие / В. А. Маслова. – М. : Academia, 2001. – 208 с.